

Валдemar

Любim

ВРАГИ...

В огромном зале гремела музыка. Из-за этого большинство гостей, сидевших за длинными столами, говорили друг с другом громко, пытаясь перекричать её. Лео оставил жену, дочь с зятем и внуком с компанией бывших коллег из рабочего посёлка, откуда он несколько лет назад уехал в Германию, и пошёл искать помещение, где, согласно программе, должны были читать свои произведения писатели. Как-то пару лет назад он купил маленький томик стихов, которые ему понравились. Время от времени он с удовольствием перечитывал их. И вот в программе обнаружил, что автор этой книжки – молодая поэтесса – тоже будет участвовать в чтениях.

В небольшой комнате посетителей было немного. Сюда чуть слышно доносились звуки музыки и людской шум. Этот шум резко усиливался, когда открывалась дверь, поэтому входившие старались не распахивать её настежь и быстро проскальзывали внутрь помещения. Входило мало. Больше выходило. Через десять минут Лео понял, почему люди так быстро покидали это тихое место. Во-первых, из-за доносящегося снаружи шума было плохо слышно авторов, во-вторых, ведущий постепенно начинал надоедать посетителям чтений, так как он всеми силами старался привлечь внимание именно к своей персоне, отставляя на второй план тех, ради кого, собственно говоря, они шли на это мероприятие. Его заученные фразы, заимствованные из телевизионных передач русского телевидения, его неумелые, порой даже оскорбительные реплики по поводу того или иного автора вызывали отталкивающие чувства как к нему, так и ко всему происходящему на сцене. Долго этого Лео выдержать не мог и через двадцать минут, не дождавшись выступления поэтессы, покинул комнату вместе с парой других разочарованных посетителей.

Он решил возвращаться к своей семье другим путём и поэтому пошёл вдоль длинных столов, мимо сцены, на которой громко орал в микрофон очередной певец, мимо навязчивых щитов, на которых рекламировались красиво нарисованные и окрашенные в неестественный цвет колбасы фирмы «Лакман», мимо прилавков с матрёшками и другой русской экзотикой, мимо художественной выставки, у картин которой скучал талантливый, но непонятый публикой художник. У столов с разложенными книгами Лео остановился и стал рассматривать предлагаемую продукцию. В основном здесь лежала классика или же книги, написанные на мотивы идущих по русскому телевидению сериалов. «Бандитский Петербург», «Вор в законе», «Побег» – читал названия Лео и удивлялся: неужели люди читают весь

этот бред? Он взял в руки красочно оформленную книгу «Русские народные сказки». Она весила килограммов пять. Лео представил себе, как ребёнок восьми лет, только что научившийся читать, тащит этот увесистый фолиант к дивану, чтобы там предаться чтению. Ему стало жаль этого малолетнего читателя, который из-за тяжести книги может уже смолоду получить грыжу. Он отложил книгу в сторону и не стал ничего покупать. Новых интересных имён среди представленных книг не увидел, а классики он уже начитался достаточно.

Откуда-то запахло жареным мясом. Захотелось есть. Лео пошёл на запах и обнаружил маленький киоск, где на огромной сковороде жарились аппетитные колбаски, но, поразмыслив, покупать ничего не стал, так как знал, что в прихваченной из дома корзине лежит домашняя еда. Они с женой из прошлого опыта знали, в какую копеечку влетают жареные колбаски или приготовленные на гриле курочки на таких больших праздниках.

В следующем зале Лео наткнулся на трафарет с названием области, откуда он был родом. Здесь, как и там, где он оставил жену, сидели за столами люди и разговаривали друг с другом. Неважно, уехал кто-то раньше или только что переселился в Германию, а тяга к родным местам сидит в каждом, как заноза, которую никакой силой не вынешь из души. Лео знал это по себе. Когда он увидел своих коллег, с которыми когда-то начинал новый посёлок на Балхаше, в груди всё вдруг сжалось и радостно затрепетало. Казалось бы, кто эти люди? Когда-то работали вместе, мечтали о городе, были заняты чем-то важным и нужным, а потом неожиданно всё развалилось, как карточный домик. Мечты превратились в утопию, то, что строили, на самом деле было никому не нужным, и хорошие специалисты оказались лишними. Поэтому стали разъезжаться кто куда. Кому повезло родиться немцем, уехали семьями в Германию, русские ринулись в Россию, украинцы в Украину. Ни там, ни там никого не ждали, везде пришлось начинать жизнь заново, с чистого листа. Те, с кем дружил, с кем делал одно дело, с кем праздновал праздники, оказались далеко. Не стали видаться, интенсивные телефонные разговоры и переписка сошли постепенно на нет. И вот через столько лет разлуки и безвестности наконец-то встретились.

Потрепала судьба друзей и бывших коллег... Не все оказались счастливыми от переезда в страну своей мечты. Кто безвременно умер, кто от тоски спился, а кто вдруг превратился в яркого ненавистника всего русского, всего того, чем когда-то жил, и даже русский язык стал для него чужим.

Лео не принадлежал ни к тем, ни к другим. Скорее всего, он принадлежал к счастливым переселенцам, у которых всё сложилось хорошо. Он быстро нашёл высокооплачиваемую работу по специальности, жена тоже устроилась. Дети выучились и уже были самостоятельными. Росли внуки. За купленную в кредит квартиру оставалось рассчитывать два-три года. Каких-то десять лет осталось до пенсии, и если не подкачает здоровье, то потом без долгов, имея кое-что на счету, можно безбедно жить и помогать детям и внукам.

Лео с интересом смотрел на сидящих за столами земляков из его области. Знакомых не было видно. Он сразу после армии уехал из села и мало уже кого помнил, но всё же надеялся хоть кого-то узнать. Через родственников, через бывших односельчан при редких встречах на свадьбах, похоронах или на днях рождения кое-что доходило о тех или иных событиях на его родине. После переезда в Германию он ни разу не ездил туда, но с годами тяга к родным местам

становилась сильнее и сильнее. Теперь, в этом громком празднике, ему хотелось увидеть кого-нибудь из односельчан, посидеть, поговорить, вспомнить село, вернуться хотя бы на момент в своё счастливое детство. Он жадно всматривался в лица, но кругом были чужие. Разочарованный, он направился к выходу из зала и неожиданно остановился. Идущий следом мужчина не сумел вовремя свернуть и всем телом въехал в Лео, чуть не сбив с ног. Он недовольно заворчал, Лео виновато извинился, и они мирно разошлись.

Отойдя в сторону, Лео стал наблюдать за группой людей, сидящих за столом, уставленным едой. Больше всего его внимание привлекли двое мужчин. Один из них сидел в инвалидной коляске и, похоже, был полностью парализован. Второй мужчина, сидевший возле него, держал в левой руке пластиковую тарелку и кормил с ложечки первого. Ничего удивительного в этом не было. Мало их, что ли, беспомощных стариков, которые не в состоянии себя обслужить, которым нужна помощь посторонних? Не эта трогательная сцена удивила Лео – его удивили участники. Он узнал их.

Парализованный был Василий Иванович. На самом деле он звался Вильгельмом, но на это имя, сколько помнил себя Лео, не отзывался, а представлялся всегда Василием Ивановичем и требовал от других, чтобы его так называли. Он выходил из себя и злился, если находились смельчаки, называвшие его именем, которое значилось в свидетельстве о рождении. Но таких смельчаков находилось мало. Кому хотелось связываться с всемогущим управляющим отделением в совхозе! От него многое зависело: и хорошая работа, и премиальные, и сезонная работа для школьников, и дефицит со склада и из сельповского магазина.

Кормивший Василия был Фридрих. Они были одногодками, но так случилось, что Вильгельм после трудармии вернулся в совхоз на юге Казахстана, куда его с семьей выслали в начале войны, и, как хороший специалист, сначала стал заведующим мехмастерской, а потом управляющим отделением. Фридрих же волею судьбы оказался на оккупированной территории, был призван в вермахт, но служил в каких-то тыловых войсках. После войны попросился домой и прямым путём попал в сибирский лагерь, где оттрубил от звонка до звонка десять лет. Его жена Клара служила на польской территории переводчицей и тоже получила причитающийся ей срок. Она, к счастью, отсидев только полсрока, была выслана к родителям, где уже находились двое её малолетних детей на воспитании у престарелых бабушки и дедушки. Так столкнулись пути Вильгельма-Василия и Фридриха.

Когда Фридрих приехал к своей жене из заключения, Лео был ещё совсем маленьким. Как обычно, склоки и скандалы взрослых проходили мимо детей. Лео дружил и с детьми Вильгельма, и с детьми Фридриха. И только много позже стал осознавать, какая неравная война происходила между этими двумя семьями. В совхозе жили казахи, русские, чеченцы, азербайджанцы, корейцы и немцы. Конечно, как и везде, ссорились друг с другом взрослые, дрались стенка на стенку молодёжь, обзывая иногда друг друга «калбитами», «черножопыми», «фашистами» и ещё бог весть как, но потом, помирившись, забывали об этих обидах. Обзывались-то не со зла, а в запале и большого значения в таком случае этим словам не придавали. Но достопочтенный Василий Иванович с первого дня не стал называть Фридриха ни по имени, ни по фамилии, а сразу обозвал его фашистом и иначе как фашистом или предателем не называл. Жена Фридриха ещё до войны закончила ускоренные учительские курсы, и, когда началось хрущёвское

потепление, ей разрешили учительствовать в начальных классах. Лео тоже учился у неё с первого по четвёртый класс. Тут уже Василий Иванович не смог ничего сделать, хотя не однажды писал кляузы на неё районному начальству. Там – в глазах районных властей – Василий Иванович был такой же высланный немец, как и все остальные. Но в отношении Фридриха он опустил по полной. Этот несчастный человек, сколько помнил Лео, выполнял в отделении самую чёрную и неблагодарную работу. Он убирал из-под коров навоз, чистил свиные клетки, и только когда механизировали все эти грязные процессы на фермах, стал работать в мехмастерской слесарем. Слесарь был он неплохой. Кроме того, он был токарем, как говорится, от Бога. Он растачивал валы так, что после этого они годами работали в моторах, не требуя повторной расточки. Ему можно было доверить самую тонкую и замысловатую токарную работу. Он понимал с полуслова, чего от него хотели механизаторы и слесари. В конце концов директор и главный инженер совхоза оценили способности Фридриха, и с тех пор Василий Иванович уже не мог по своему усмотрению распоряжаться рабочим временем своего бывшего подчиненного. Фридриха перевели в мастерскую на центральную усадьбу, и он стал напрямую подчиняться только совхозному механику и главному инженеру. Но вражда осталась. Василий Иванович использовал каждую возможность унижить Фридриха. Два лета, после восьмого и после девятого класса, Лео работал в совхозе, помогал слесарям в мастерской, работал помощником комбайнера во время уборки. Несколько раз был свидетелем встреч Вильгельма с Фридрихом.

Однажды, ещё до начала уборки, управляющий отделением приехал в главную мастерскую. Лео собирал металллом и находился как раз в токарке. Василий Иванович вошёл в комнату, где стояли станки и работал над чем-то Фридрих. Двое рабочих бросили на рядом стоящий железный стол два карданных вала.

Управляющий громко, перебивая шум работающего станка, крикнул:

– Ты, фашистское отродье! Чтобы к вечеру они были готовы!

Фридрих остановил станок, тут же послушно вынул незаконченную деталь из магазина и начал прилаживать вал в патронник. От слов управляющего он съежился, стал как будто меньше ростом, и взгляд его виновато избегал взгляда Вильгельма.

Лео удивлялся такому странному поведению Фридриха. Однажды он спросил у отца, почему токарь не отвечает на оскорбления Василия Ивановича.

– Оставь его, это не наше дело, – ответил отец, – и Фридриха не спрашивай об этом. Не любит, когда его об этом спрашивают.

Ещё несколько раз Лео был свидетелем таких унижений, но по совету отца не вмешивался и ни о чём не спрашивал ни у самого дяди Феди – Фридриха, ни у его коллег. Удивительно, что и коллеги не вмешивались в отношения Василия Ивановича с Фридрихом. Ещё удивительнее было то, что, несмотря на такие унижения, в глазах коллег токарь оставался очень уважаемым человеком. В токарке как будто уживались два человека: один – дядя Федя (так его в основном в мастерской все называли) – токарь высокого разряда, уважаемый всеми мастер, и второй – Фридрих – когда-то в чем-то провинившийся человек, как должное принимающий из-за этого оскорбления и унижения.

Так и не узнал Лео, в чём секрет поведения Фридриха. И вот теперь он увидел перед собой странную пару людей, которых вместе никогда не ожидал увидеть. Чуть поодаль на скамейке сидела седая женщина с маленькой беспокойной де-

вочкой на руках. Лео узнал и её. Его первая учительница. Он бы узнал её везде. Седина, сетка морщин на лице не изменили её добродушного мягкого взгляда, её приветливой доверительной улыбки. Наверное, и голос её остался прежним. Лео решительно подошёл к ней и поздоровался. Она посмотрела на него, радостно улыбнулась, узнав своего бывшего ученика и односельчанина, и сразу ответила:

– Лео, ты?! Здравствуй, родненький.

Да, голос её остался прежним. Он шёл из глубины груди, звучал ласково и округленно. Она грассировала букву «р» и чуть-чуть растягивала окончания слов. Ученики могли её слушать часами. Особенно дети любили, когда она в свободные часы, пройдя успешно новый материал, читала им русские народные сказки.

Лео присел рядом с ней.

– Кто это, внучка? – спросил он, кивнув на девочку.

– Нет, уже правнучка.

Подошёл и остановился рядом с Лео Фридрих.

– Guten Tag, Лео, – приветливо поздоровался он по-немецки.

Лео не ожидал, что Клара Рудольфовна и Фридрих через столько лет узнают его. Он думал, что с годами изменился до неузнаваемости. Они могли его помнить только молодым. Уйдя в армию, он на пару месяцев вернулся в село и потом уехал учиться, после института женился и наезжал к родным по большим праздникам раз в два-три года. Тем более было лестным, что его узнали, и от этого разлилась в душе какая-то нежность к людям, которых больше двадцати лет не видел.

Клара Рудольфовна встала и сказала на немецком языке, обращаясь к мужу, что отнесёт ребёнка к матери, чтобы та его покормила. Фридрих так же по-немецки ответил и спросил у Лео:

– Bist auch da? Wie weit musst du hier fahren, zur Treffung? (Ты тоже здесь? Как далеко тебе пришлось ехать на эту встречу земляков?)

Немецкий Фридриха звучал безукоризненно, без всякого акцента. Лео ответил ему по-русски:

– Я живу на юге, недалеко от Бодензее, нам пришлось чуть больше 300 километров сюда ехать.

– А мы живём на севере, – сказал Фридрих, перейдя на русский. – Вот дети захотели с земляками встретиться, ну и прихватили нас – старичков.

Он отвернулся и стал рассматривать проходящих мимо людей. Лео пытался вспомнить, сколько лет должно быть сейчас Фридриху. Наверное, не меньше восьмидесяти. Парализованный сидел вполоборота к Лео и время от времени настороженно зыркал глазами в его сторону. «Интересно, вспомнил он меня или нет?» – подумал Лео и про себя решил, что вряд ли. Откуда ему помнить этих малолеток, подрабатывающих на летних каникулах в совхозе. Да и к чему было помнить эту мелочь пузатую. На очередной брошенный в его сторону взгляд Вильгельма Лео ответил приветливой улыбкой, но тот тут же отвёл глаза и уже в сторону Лео не смотрел.

– А где же все остальные земляки? – спросил Лео.

– Пошли какой-то концерт смотреть.

У Лео на языке вертелся вопрос, который очень хотелось задать, но он стеснялся заговорить на эту тему.

– Лена – моя одноклассница, она тоже с вами?

– Нет. Дочка приболела, осталась дома. Мы с зятем и с моим младшим сыном. Моего зятя ты должен помнить. Он сын Вильгельма. А может быть, и не помнишь, он старше Лены и тебя на три года.

Нет, Лео не помнил его. У Вильгельма была большая семья. В его доме, самом большом в отделении, под одной крышей жили его престарелые родители и семеро детей. Одноклассника, возможно, Лео ещё вспомнил бы, но тех, кто был старше него или младше, вспомнить было тяжело.

– Извините, дядя Фридрих, не помню вашего зятя. Я и ваших детей не всех помню.

Лео встал, собираясь идти, но вопрос, занудно сидевший в нём, рвался наружу.

– Дядя Фридрих, могу я задать вам один вопрос? Этот вопрос я хотел вам задать ещё тогда, когда помогал вам на каникулах в мастерской.

Фридрих пристально посмотрел на Лео, медленно отвёл глаза и ответил:

– Задавай.

Понятно, что он догадывался, о чём хотел спросить Лео.

– За что вас так ненавидел Василий Иванович? Почему вы не отвечали на его грубости?

Лео показалось, что он задал этот вопрос слишком громко и проходящие мимо люди слышали и смотрят удивлённо на него. Но людская толпа, не останавливаясь, протекала мимо них. Он посмотрел на парализованного в коляске, но и тот продолжал безразлично разглядывать пёструю толпу незнакомых людей.

– Это не один вопрос, а сразу два, – с сарказмом, улыбнувшись, сказал Фридрих.

Он отвернулся от Лео и уставился в какую-то точку, которую видел только он один. Лео стоял рядом и не знал: ждать ли ему ответа или уже пора уходить. Казалось, пролетела вечность. Наверное, Фридрих обиделся на такой бестактный вопрос. А может быть, как и тогда, в совхозе, не желает отвечать на него. Лео буркнул еле слышно «до свидания» и развернулся, чтобы уйти.

– Подожди, Лео, сядь, – сказал Фридрих, показав рукой на место возле себя. – Мои родные такие вопросы мне не задают, – продолжил он. – Знают, что я, как правило, на них не отвечаю. Тебе отвечу... Я помню ещё и сейчас, как ты сжимал кулаки и готов был броситься в драку на Вильгельма, когда он при тебе оскорблял меня. Я этого тогда больше всего и боялся. Поэтому, когда ты провалил экзамены в институт и хотел поработать до призыва в армию в нашей мастерской, я попросил директора не посылать тебя к нам.

Он опять помолчал с минуту и снова заговорил.

– Чтобы всё рассказать, надо время. Постараюсь короче. Мы с Вильгельмом из одного села на Волге. Одногодки. Вместе курсы механизаторов закончили перед войной. Я женился годом раньше него. Тогда прислали к нам молодую учительницу Клару, вот на ней я и женился в сороковом году. Вильгельм женился перед самой войной, в мае сорок первого. У Клары отпуск начался в июне, мы попросили в колхозе разрешения съездить к её родителям в Украину. В субботу приехали в немецкое село, откуда была родом Клара, а в воскресенье 22-го началась война. Ближайший вокзал разбомбили, дороги были забиты отступающими военными. Мы шли пешком вместе с ними два дня, а потом Кларе стало плохо, беременной уже была. Пришлось остановиться у незнакомых людей. А ещё через два дня это

уже была немецкая территория. Потом было опять наступление Красной армии. Мы радовались, что сумеем выбраться к своим. Но наступление было только маленьким эпизодом. Зато нас, немцев, срочно собрали в одну колонну и отправили подальше от фронта. Для немецкого коменданта мы были немцами, которых, по его мнению, надо было спасать от Советов. Таким образом, мы с Кларой оказались в Польше и без нашего согласия признаны гражданами Германии. Меня сразу же призвали в вермахт... Лео, за три года службы я ни одного выстрела не сделал из своей винтовки. На фронт меня не послали. Я только охранял гражданские объекты на территории Польши. А Клару поставили перед выбором: или идти работать к местному кулаку, или стать переводчицей при бургомистре. Она была уже на шестом месяце беременности, выбора, собственно говоря, не было. Она родила, но ребёнок не выжил. Где-то там, на севере Польши осталась могила нашего ребёнка. Может быть, это было и к лучшему. Так, видимо, хотел Господь Бог... Но, как бы там ни было, мы с Кларой были вместе. Она родила в конце войны близнецов. Когда советские войска подошли к нашему городку, я выбросил винтовку, мы собрали с Кларой кое-какие пожитки и с детьми ушли на хутор к знакомому поляку. Там и дождались русских солдат. Мы были рады, что наконец-то для нас всё кончилось. Ну а потом были десять лет моих лагерей, разлука с Кларой. Я не считаю наказание несправедливым. Всё по заслугам.

– Ну ладно, лагерь был по заслугам, вы отсидели свой срок. Почему вы, дядя Фридрих, потом так покорно сносили унижения от Василия Ивановича? – с раздражением спросил Лео.

В Лео почему-то всплыло прежнее чувство обиды и злости на Фридриха. Казалось бы, чужой человек сидит сейчас перед ним, чужим он был и тогда, когда Лео подрабатывал на каникулах в мастерской совхоза. Он злился и обижался на Фридриха за его покорное молчание перед грубыми оскорблениями, за его униженность. Ему казалось тогда, что это неважно, кто ты был прежде, а важно никогда не терять собственного достоинства. Он был по-юношески идеалистом. В ту пору он ещё не понимал, что жизнь не идеальна – она намного реальней.

– Это было не всегда так, – после минутного раздумья, ответил Фридрих. – Когда в первый раз он меня обозвал словом «фашист», я кинулся на него с кулаками. Нас с трудом тогда развели. Я думал, он не имеет права меня так обзывать. Но после этого почему-то остальные мои земляки перестали со мной здороваться. Мы с Кларой долго думали об этом. Один старый немец, выселенный с Волги, – он умер вскоре – объяснил мне разницу между мной и теми, кто был выселен со своих родных мест, кто оказался в трудармии и у кого родственники умерли от тяжелой работы или от голода. Сейчас уже все знают об этом пресловутом указе, в котором немцев Поволжья обвинили в предательстве и подготовке диверсий на советской территории. Так вот, такие, как я и моя жена, оказались хорошим аргументом у советской власти в пользу этого указа... Раны от прошедшей войны у людей ещё были свежими. Не так просто было забыть всё произошедшее с немцами. Я и Клара невольно стали тем громоотводом, на ком эти несчастные, ни в чем не повинные люди могли свою обиду, свою злость выместить. Поэтому я просто не стал обращать внимания на грубость и унижения со стороны Вильгельма. Со временем земляки забыли о моём прошлом, а Вильгельм, по-моему, до сих пор не простил мне моего предательства.

Фридрих замолчал.

– Почему вы согласились служить в вермахте? – спросил Лео.

– Это самый сложный вопрос...

– Почему?

– В первую очередь, потому, что на него я до сих пор даже себе не могу ответить. Многие думают, что прошлое можно просто забыть. На самом деле это не так. Было одно время, когда я стал забывать о прошлом. Это было счастливое время. Но чем старше становлюсь, тем чаще вспоминаю время войны. Вот тогда и встает вопрос, который задал ты, и которые задавали мне не раз после войны: мог ли я тогда избежать призыва в вермахт? Наверное, можно было бы уйти куда-нибудь, скрыться, притаиться. Встает тут же следующий вопрос: осталась бы в таком случае в живых беременная Клара? Видишь, вопросы остаются без ответа... В общем, я себя виноватым давно признал и то, что мне дали десять лет лагерей, считаю справедливым. Поэтому терпел унижения от Василия Ивановича. Ведь на самом деле, кому какое дело до того, в какой ситуации я был в то время? Главное ведь в том, что я находился по ту сторону фронта, был врагом, а мои земляки и большинство родных ковали победу на советской стороне. Поэтому я не имел права считать себя равным им. Да, меня со временем стали уважать. Но это произошло, только когда я начал работать токарем. Уважали за работу, за честность, аккуратность, но моё прошлое всё время стояло между мной и моими земляками.

Лео надо было идти. Возможно, жена уже начала беспокоиться из-за его долгого отсутствия. Но ему хотелось понять рядом с ним сидящего человека. Особенно теперь ему было непонятно, как два человека, два врага оказались вместе.

– Как так случилось, что вы вместе? – кивнув на парализованного, спросил Лео.

– Совсем просто, – улыбнулся в ответ Фридрих. – Моя дочь, Лена, замужем за его сыном. Вильгельм не хотел, чтобы сын женился на моей дочери. Но тот после армии уехал вместе с нею в город, куда она поступила учиться. Там они и расписались. Лет пять он их не признавал. Но когда во время перестройки Вильгельма проводили на пенсию и его парализовало, он вдруг попросил, чтобы все дети собрались. Думал, наверное, что умрёт. Как видишь, даже свою жену пережил... Когда немцы стали собираться в Германию, он сразу же попросил детей, чтобы те написали заявление на выезд. Они всей семьёй самые первые из нашего села тронулись в путь. Мне с Кларой и детьми было тогда легче выехать – гражданство-то немецкое осталось, но всё равно сумели только через два года после него выехать в Германию. Здесь его второй паралич ударил. После этого он стал такой неподвижный. Мы с Кларой сами напросились за ним ухаживать. Пусть дети, пока есть ещё возможность, зарабатывают и на жизнь, и на хорошую пенсию. Лена с мужем дом построили, и нам, старичкам, в пристройке место нашлось. Им долги отдавать, а мы по-стариковски, чем можем, им помогаем. И других детей, конечно же, не забываем. Живём все дружно, в одном городе, недалеко друг от друга. Приезжай в гости, рады будем.

Лео встал, намереваясь идти к своим родным, вытащил из кармана ручку и подвинул к Фридриху нетронутую салфетку.

– Запишите свой телефон, я при случае позвоню, – попросил он и, когда старик начеркал на мягкой бумаге несколько цифр, добавил: – Передайте Лене и остальным нашим землякам привет от меня. Извините, дядя Фридрих, мне надо идти.

Он пожал старческую, но ещё крепкую ладонь Фридриха и пошёл к выходу из зала. Проходя мимо парализованного, Лео на мгновение остановился, нагнулся к нему и проговорил: «До свидания, дядя Вильгельм». Тот еле заметно дёрнул головой и моргнул пару раз глазами, в уголках которых появились предательские капли слёз. Но Лео этих слёз уже не видел. Он торопился к жене, к своим родным, которые, наверное, давно его ждут. Он представил себе, как жена заботливо раскладывает прихваченные из дома котлеты и сало по бумажным тарелочкам как дочка мелкими ломтиками нарезает серый хлеб, как зять с удовольствием откупоривает бутылочку холодного пива, и ему самому захотелось пива. Лео вспомнил о голоде и, умело лавируя во встречном потоке людей, торопливо пошёл к своим родным в другой зал.

У СТАРЫХ МОГИЛ

Скоро всю долину зальёт вода. Тётя Эля ежедневно уже с самого утра слышала, как вдали урчат моторы бульдозеров и экскаваторов. В той стороне, где река сужалась и проходила мимо двух высоких холмов, называемых казахами «святыми», поднималась к небу пыль, и оттуда в панике улетали птицы. Миллиард кубов воды должно вместить в себя будущее водохранилище. Об этом с гордостью писала местная газета. На её страницах рядом с портретами механизаторов, доярок и чабанов появились снимки монтажников в касках на фоне строительных лесов.

Тётя Эля жила в селе на берегу реки почти всю свою жизнь. Её привезли сюда, когда ей было девять лет, и она прожила здесь до самой пенсии, никуда дальше районного центра не выезжая. Даже когда её заболевшему мужу профком выделил путёвку на курорт Боровое, и он хотел взять её с собой, она наотрез отказалась. Во-первых, отчасти от того, что была горячая пора. Начинали зреть овощи, а в это время каждая пара рук на счету. Во-вторых, она с детства боялась поездов. Этот страх сидел в ней с тех времен, когда родителей выселили с Волги, и они два месяца жили на колёсах в переполненном людьми скотском вагоне. Железная дорога в её сознании всегда ассоциировалась с вечным стуком колес, запахом мочи и людского пота, укрытыми с головой покойниками и постоянной спешкой.

Раньше село было большим и многолюдным. Но с тех пор как два года назад на сельском сходе объявили о том, что долина будет затоплена водой, из села выехали почти все жители. Кто получил квартиру в новом рабочем посёлке, выросшем на багаре, кто переехал к своим родственникам в другие совхозы, кто перебрался в город.

Удивительно, как быстро пустеет село и разваливаются дома. Через месяц после того как выезжали из них хозяева, ухоженные раньше дворы зарастали кураем, лебедой, повиликой, перекасти-полем, а в сырых местах – камышом. Бывшие хозяева, получив компенсацию за дом, разбирали крыши, вытаскивали окна и двери, и саманные дома начинали на глазах рассыпаться, превращаясь в глиняную груды. Там, где стояли щитосборные дома, чернел сложенный на века из бетона и камня фундамент, но и он скоро исчезал в зарослях почувствовавших свободу кустарника и травы.

Тёте Эле тоже нужно было выезжать из села. До того дня, когда река будет перекрыта, оставалось мало времени. Она ещё не решила, куда ей переезжать,

и поэтому тянула с отъездом. Ей было жалко оставлять свой двор, ухоженный огород, построенный из самана уютный дом, прохладный летом и тёплый зимой. Хозяйство было уже продано. Корову забрала дочь. Прошлой осенью с первым снегом зарезали двух свиней. Бегало ещё несколько курочек по двору, да старый пёс сидел на цепи и лаял от скуки на пролетавших мимо птиц. До нового года с ней в доме жила семья младшего сына. В январе они переехали в квартиру в рабочем посёлке. Там с сентября работала сноха учительницей в новой школе. Сын со снохой приезжали один-два раза в месяц, затаривались картошкой, помидорами, яйцами и, не оставаясь ночевать, уезжали назад, туда, где вечерами в клубе шло кино, где телевизоры показывали несколько программ, где в магазинах можно было купить свежий хлеб и где появились новые друзья. А внуки, родившиеся в этом селе, вообще не хотели сюда ехать. Их можно понять. Здесь стало скучно. Тётя Эля переехала бы к ним – сын получил квартиру с расчётом на мать, – но что она будет делать в квартире без хозяйства и без огорода? Дочь тоже зовёт к себе. Она живет в совхозе недалеко от города. Но там зять – любитель выпить. Она оставалась несколько раз ночевать у них, так чего только не наслушалась! Напьётся – и болтает что ни попадя. И всё у них на крике и на ругани. Откуда у дочери такая агрессивность и злоба? Может быть, это приходит с годами? Когда каждый вечер видишь пьяную рожу возле себя и слушаешь пьяный бред – озлобишься. И дети тоже такие же дёрганные... Хорошо бы к старшему сыну переехать. Тот живет в районном центре. Работа хорошая – автомеханик. Свой дом и хозяйство. Сноха – бухгалтер в автобазе. Но с ней у тёти Эли с самого начала не сложились отношения. И всё из-за того, что когда родился внук, она отказалась пожить хотя бы с месяц у них, чтобы помочь на первых порах молодой матери. Весной в полеводческой бригаде было много работы, и дома надо было управляться. Муж тоже был очень занят. Конечно, сейчас, по прошествии лет, тётя Эля понимала, что сделала ошибку. Домашнее хозяйство можно было оставить на дочь, которая училась тогда в десятом классе, и на младшего сына, которому было уже пятнадцать лет. Да и в бригаде за один-два месяца ничего бы не случилось. Всё равно её патриотизма никто не понял. А снохе действительно нужна была помощь. Сын привёз её из далекого уральского городка, где он служил в армии. Городская, она сразу после техникума вышла замуж. Никого из близких рядом. Молоко у неё сразу пропало. Мало того, груди воспалились. К тому же хозяйство уже завели. Только что первотёлка отелилась, надо было раздаивать. Поросята в свинарнике визжали голодные. Сын взял отпуск и две недели дома был, пока у жены воспаление не прошло. Конечно, тяжело им было без помощи. С тех пор обида навсегда застряла в снохе. Она, правда, ни разу не высказалась по этому поводу. Но по её сухим словам, по холодным и безразличным глазам и нетерпеливым жестам чувствовалась эта обида. Наверное, было бы лучше завести на эту тему разговор, высказаться, может быть, даже извиниться перед снохой за тот случай, но тётя Эля не находила в себе для этого смелости, а сноха, чем больше проходило лет, тем дальше отдалялась от свекрови. Так постепенно родные люди становятся чужими.

Чем ближе становился день, когда тёте Эле надо было окончательно решать, куда ей переезжать, тем труднее было это решение принимать. Ей не хотелось уезжать из села. Она привыкла к утренней прохладе, идущей от реки, к зарослям джиды и ивняка, начинавшимся сразу за огородом, к полуденной тишине, когда, истомившись на жарком солнце, всё живое пряталось по кустам, в тени деревьев.

домов или речного обрыва, к длинным вечерам, когда тени от тополей и карагачей тянулись к пологим холмам, когда на лугу начинали верещать суслики, когда стрижи перед наступающими сумерками суетливо прочерчивали небо, когда стадо коров, подняв пыль, торопилось к своим стойлам, когда мужчины и женщины возвращались с полей, и их разговор и смех звонко отдавался в вечернем воздухе... Теперь не стало слышно людских разговоров, исчезло коровье стадо, брошенные собаки не лаяли усердно, доказывая хозяевам свою нужность. Вымерло село. И только карагачи и тополя, джида и ивы, суслики и стрижи продолжали свою жизнь, не подозревая о назревающем конце... Если не срубят деревья на дрова, сгниют они с годами под водой. Вода зальёт норы сусликов и лис, гнёзда стрижей и куропадок. Говорят: «Вода – это жизнь». Но тётя Эля поняла, что это не всегда так.

В последние дни тётя Эля стала просыпаться совсем рано. Какое-то беспокойство не давало ей спать. Она не могла понять, с чем это было связано. Возможно, с тем, что она начинала понимать неизбежность прихода последнего дня, когда нужно будет покинуть этот дом, выстроенный руками отца и её покойного мужа. Или же это связано с тем, что приближался день, когда начнут переносить могилы из долины на новое кладбище на багаре, недалеко от рабочего посёлка. Чем ближе этот день, тем беспокойней на душе у тётки Эли.

Вот и сегодня она встала пораньше, приготовила себе нехитрый завтрак, сыпнула чашку зерна курочкам, поставила миску с едой собаке и пошла неторопливо к кладбищу, которое находилось в двух километрах от села, на песчаном холме. Утро было непривычно прохладное. Свежий, наполненный запахом разнотравья воздух был прозрачен, но над рекой поднимался лёгкий туман, который в метре от поверхности воды неожиданно исчезал. Стрижи, только что проснувшись, несмело выглядывали из своих гнёзд, выдолбленных в обрывах над рекой. Река недолго тянулась вдоль дороги к кладбищу и, как будто боясь мёртвых, заворачивала назад в долину, неспешно несла свои воды к «святым» горам. Суслики столбиком стояли поодаль от дороги и с удивлением провожали глазами одинокую женщину. За эти несколько месяцев они отвыкли от сельского шума и постоянного движения на дороге и не реагировали на редких прохожих. Тётя Эля вспомнила, как в первую весну её жизни в этом селе она с подругами и соседскими пацанами «выливала» на лугу сусликов из нор. Не бог весть какая еда, но их мясо спасло многих от голодной смерти. Что стало бы с теми людьми, кто был выкинут на произвол судьбы за тысячи километров от своих домов, без средств к существованию, если не было бы черепашек и сусликов, корней солодовника и молочая, рыбы в реке и яиц в птичьих гнёздах?..

На старом кладбище было тихо и покойно. Здесь не хоронили с тех пор, как приняли решение строить водохранилище. Кладбище было ухоженным, правда, железная ограда вокруг него начала постепенно ржаветь. Обычно к Пасхе кто-нибудь красил ограду, но вот уже два года как никто не освежал краску, и она стала облупливаться, а металл покрывался рыжими пятнами ржавчины. Да и зачем было красить? Всё равно могилы перенесут в другие места, ограду разберут школьники на металлолом, землю выровняют, и под водой вряд ли кто узнает то место, где когда-то лежали покойники.

О том, что кладбище будут переносить, сообщили тоже на сельском сходе. После схода секретарь сельсовета несколько дней ходила по дворам и спрашивала

у тех, чьи родные лежали на кладбище, куда они хотели бы перенести останки покойников. Многие возмущались. Оно и понятно. Ведь умерших отнесли на кладбище на покой. Какой же покой, если начнут рыться экскаваторы в их могилах? Как ни возмущались, а всё равно пришлось соглашаться с переносом останков умерших. Не оставлять же их под водой.

Тётя Эля вошла в ворота кладбища. Справа были мусульманские могилы. Простенькие глинобитные мавзолеи небогатых казахов. Только один мавзолей был выстроен из камня и украшен мозаикой. Чуть в стороне – небольшие холмики с камнями, это чеченские и азербайджанские могилы. Через узкую дорогу – могилы русских, немцев и других. Село было многонациональное. Каждый народ верил в своего бога, но в конечном итоге все оказались в одном и том же месте. Одна и та же земля укрывала покойников, одно и то же небо нависало над могилами, одно и то же солнце светило с высоты, и только узкая, усыпанная гравием дорога разделяла их.

Она прошла к месту, где лежали её родные. Четыре могилы стояли в ряд. Перед Пасхой приезжали сыновья и освежили краску на оградках, поправили землю на могилках...

Вот могила её мужа. Он умер несколько лет назад. Памятник из мраморной крошки был ещё свежим. Работяга. Всю жизнь проработал в совхозе механизатором. Тётя Эля часто вспоминала мужа. Он остался в её памяти постоянно чем-то озабоченным. То надо было спешить на работу, то надо было огород копать, то надо было сено заготавливать, то надо было красить забор, то на базар ехать, продавать мясо, то новую летнюю кухню строить. Отдыхающим где-нибудь на берегу реки, просто лежащим на диване она его не помнила. Наверное, потому и умер так рано – в первый же год, как вышел на пенсию, – что всю жизнь не знал покоя... Они познакомились на работе. Тётя Эля работала в овощной бригаде, а он, в порядке шефской помощи от школы механизации, на тракторе с тележкой возил овощи на овощную базу. Свадьбу сыграли небогатую и гуляли недолго. Сирота от рождения, он воспитывался в интернате и после свадьбы сразу переехал в её село. Он был хороший муж. Построенный ещё отцом дом перестроил, добавив две комнаты. Детей держал в строгости, но не обижал беспричинно. Поэтому выросли все самостоятельными и хозяйственными. Царство ему небесное. Дай Бог, увидимся скоро...

Самой старой была могила её младшего брата. Он умер в семилетнем возрасте в первую же весну после выселения с Волги. В селе жили тогда в основном русские и казахи. Это позже появились здесь азербайджанцы, чеченцы и семьи из Прибалтики. Её братишка очень скучал по пропавшей безадресно бабушке. Слабый от рождения, он проводил почти всё время у бабушки. Когда в день выселения бабушка оказалась в другом эшелоне, он истерично плакал и долго не мог успокоиться. И в дороге он начинал неожиданно плакать и звать сквозь всхлипывания бабушку. Здесь, в колхозе, он хирел на глазах. К весне похудел до невозможного. Отец носил его к местной бабке-знахарке, возил на бричке в районную больницу. Но никто не мог найти причину болезни. Тётя Эля помнит, как за несколько дней до смерти братишка лежал на кровати, укрытый ватным одеялом. Мать, управившись с делами, садилась возле на табурет, брала его лёгкую руку в свои ладони и долго молча сидела, смахивая иногда слёзы с щёк. Он умер, когда зацвел урюк. Отец сбил из старых досок маленький гроб, какой-то

старичок прочёл над гробиком несколько молитв на немецом. Неглубокую яму зарыли. Соседи-казахи дали кусок вяленого мяса, и мать сварила жидкий суп с лапшой из муки, которую по распоряжению председателя колхоза выдали со склада. Несколько пришедших земляков помянули покойника, посидели недолго, тихо переговариваясь, и заспешили на работу. Тётя Эля всегда стыдилась вспоминать, что в тот день она впервые после долгой зимы ела мясо и наелась досыта. Ей хотелось, чтобы ещё кто-нибудь умер, тогда снова были бы поминки, снова варили бы суп с мясом, снова можно было бы наесться от пуза.

Родители умерли в один год. Сначала отец, а через восемь месяцев мать. В памяти они остались строгими и набожными людьми. Тётя Эля не могла вспомнить, чтобы отец или мать говорили друг другу ласковые слова, но они никогда и не ругались. От них всегда исходило какое-то тепло. Их любовь друг к другу проявлялась в маленьких незначительных жестах, в снисходительных улыбках, в терпимости. Они редко разговаривали без дела. Если они о чём-то говорили, то только по существу: или о предстоящем отёле коровы, или о какой-нибудь необходимой покупке, или о строительстве дома и о многом другом, что было важно именно в тот момент... Отец долго не хотел начинать строить свой дом. Всё мечтал вернуться на Волгу. Лет восемь жили в землянке с маленькими окнами, земляным полом и камышовой, обмазанной глиной крышей. Но когда земляки начали строиться, тоже взял в колхозе кредит и за год построил небольшой, но тёплый дом. С того момента отец не так уже скучал по Волге, а когда сняли коммандатуру, то и жизнь пошла как-то интересней.

Из военных лет тётё Эле запомнилась больше всего их первая зима. Продукты, которые успели захватить с собой из дома, быстро кончились. Колхоз рассчитывался с новыми колхозниками только «палочками» в ведомостях. Огорода или подсобного хозяйства ещё не было. Никаких запасов. Спасибо местным староверам и казахам. Нет-нет да подкидывали что-нибудь из продуктов. Конечно, не всегда это доставалось бесплатно. Отец плотничал после тяжёлой работы до поздней ночи, мать сидела за швейной машинкой, не разгибаясь, Эля чистила от навоза коровники и свинарники. Но главное – выжили.

Тётя Эля вспомнила, как её, девятилетнюю девочку, отец отвел к жившей на соседней улице семье. Она никогда ещё не работала и было непривычно и тяжело сгребать вилами навоз из-под стоящих в стойле коров. Коровы, чувствуя чужого, беспокойно переступали копытами, угрожающе махали головой, пытаясь задеть маленькую напуганную девочку рогами. Первый день запомнился на всю жизнь. В воротах коровника стоял, опираясь на самодельный костыль из карагачевой палки, старый дед. Фамилия деда была Трифонов. Он держал всю свою многочисленную семью в ежовых рукавицах. Был строг и даже беспощаден. И когда девочка неумело уронила навоз с вил перед его ногами, старик больно ткнул костылем в её ребра и со злобой сказал: «Фашистское отродье, смотри, куда навоз роняешь! Понавезли тут белоручек». Вечером, когда коровьи стойла и свинарник были очищены от навоза, а скотина напоена и накормлена, уставшая девочка стояла ещё с полчаса на морозе, ожидая, когда её вынесут расчёт за работу. Угрюмая женщина вынесла булку хлеба и кусок сала и, не поблагодарив за работу, сказала: «Иди домой. Завтра придёшь снова». Девочка работала у них всю зиму и всю весну, помогая управляться по хозяйству. Дед всё время продолжал ненавидеть девочку и всех немцев вообще. Его можно было понять. Двое сыновей были на

фронте. На одного из них уже пришла похоронка, другой сын пропал без вести. За что было ему любить немцев? Несмотря ни на что, тётя Эля была благодарна этой семье за их хлеб и сало, которое в то голодное время дало возможность выжить её родителям и ей. Собственно говоря, Трифоновым помощь маленькой девочки не нужна была. У самих был полный дом внуков, которые могли бы управиться в коровнике и в свинарнике.

Когда Эля пошла следующей осенью в школу, она не стала больше работать у Трифоновых. К тому времени у самих уже стояла молодая тёлка в примитивном, сплетённом из ивняка и обмазанном глиной коровнике. Там же, через перегородку, хрюкали поросята. Всё это отец приобрел у тех же Трифоновых по дешёвке, можно сказать – задаром, за то, что обновил им ворота и перекрыл крышу. И когда отца забрали в трудармию, не так страшно было в зиму входить. Сняли с огорода хороший урожай картошки и капусты, засолили бочку огурцов и помидоров, двадцать курочек сидели в курятнике. Жизнь налаживалась. Не хватало хлеба и жиров. Но и здесь нашлись тоже хорошие люди. Казахи рассчитывались с матерью курдючным жиром за перешитые вещи, за модно скроенные и красиво пошитые платья для казахских невест. Русские отсыпали муку из своих скудных запасов за ту же работу. Сеном и кормом для скотины тоже местные казахи и русские помогали. Немцы были чужие для них и даже, можно сказать, враги, но пропасть людям не дали. Когда же отец после войны вернулся из трудармии, стало намного легче. Он работал плотником в колхозе. По вечерам и в субботу перекрывал людям крыши, клал саманные стены, мастерил окна и двери и, как специалист, был нарасхват. И зятя в свою семью её родители приняли хорошо. Как-то сразу он стал родным для них. Мать с отцом, видимо, видели в зяте своего покойного сына, который всегда оставался в их памяти. Для зятя же, оставшегося с детства сиротой и не помнившего своих родителей, тесть с тётцей стали отцом и матерью, и он их искренне, как сын, любил. Когда отца парализовало, и он месяца три лежал дома без движения, зять не брезговал менять ему постель, помогал его купать и при хорошей погоде выносил на улицу подышать свежим воздухом.

Мать долго не прожила после смерти отца. Ни мать, ни отец никогда открыто не проявляли своих чувств друг к другу. Но когда отец умер, Эля поняла, как дорог он был для матери. Она потерянно ходила по дому. Могла часами сидеть в своей комнате у застеленной кровати и смотреть на портрет мужа. Года за два до смерти мужа у неё был инфаркт. Тогда её спасли. Второй инфаркт случился с ней, когда дома никого не было...

Тётя Эля прочитала, чуть слышно шевеля губами, молитву над могилами своих родных и прошла по тропинке к холмику земли с двумя деревянными крестами. Здесь лежал дед Трифонов и рядом с ним его жена. Тётя Эля не держала на них зла. Отчасти она была даже этим людям благодарна за то, что они помогли её семье продержаться в трудное время. Они так и не дождались своего второго сына, который пропал без вести на войне. Уже когда умерла жена Трифонова, пришла открытка из Канады от пропавшего сына. Дед не мог простить сыну предательства, напился в тот день пьяным, пришёл под вечер к колхозной конторе, где собирались как раз бригадиры, агрономы и ветеринары на совещание, и со слезами на глазах во всеуслышание проклял своего сына и отказался от него. После этого он долго не прожил и как-то незаметно умер. Тётя Эля дружила с его внучкой Любой. Они учились в одном классе и работали вместе в полеводческой

бригаде. Люба сразу, как вышла на пенсию, переехала к своему сыну в районный центр. С тех пор мало виделись. Общую могилу Трифионовых тоже перенесут на районное кладбище. Оно и лучше. Люба болела и не могла уже так часто ездить на сельское кладбище, а её дети и подавно забыли дорогу сюда. Тётя Эля и здесь прошептала запомнившуюся ещё с детства молитву и пошла к мусульманским могилам.

На небольшом возвышении стоял мавзолей, сложенный из гранита и украшенный голубой мозаикой. Здесь был похоронен бывший председатель колхоза. Колхозники называли его уважительно Кадырбек-ага, Кадыге. Он хромал на правую ногу и был сильно близорук. Из-за этого его не мобилизовали на фронт, а назначили председателем в колхоз. Он оставался председателем до самой смерти. Справедливый был человек, не делал разницы между казахами, рускими, немцами и другими национальностями. Когда в первые дни после приезда немцев в село кое-кто пытался унижать и обзывать их, он собрал стариков-казахов в контору. И с того дня немцы грубого слова от казахов не слышали. Мало того, казахи, жившие в то время сами небогато, чем могли помогали новым односельчанам выжить в первую голодную зиму. И русские, видя отношение казахов, тоже остерегались в открытую враждовать с немцами. Когда председатель в середине семидесятых годов умер, колхозники собрали деньги на мавзолей и небольшой бюст. За мавзолеем ухаживали заботливо, а бюст установили в маленьком сквере перед конторой. При Кадыге колхоз был богатым, а после него председатели стали меняться, как перчатки. И каждый норовил себе побольше урвать. Воровали без зазрения совести. После того как колхоз перевели в совхоз, вообще порядка не стало.

Тётя Эля поклонилась могиле бывшего председателя, сказала на казахском языке несколько благодарных слов и пошла в село.

Солнце поднялось уже высоко и начинало припекать. Надо было успеть приготовить обед. Сегодня обещали приехать дети. Может быть, это будет их последний визит в село. Тётя Эля окончательно решила, к кому переедет жить. В рабочем посёлке выделяют землю для индивидуального строительства. Её младший сын написал заявление и получил участок. Она привыкла к его семье, ладила со снохой, и дети у них были не шумные. Немного денег на книжке у тёти Эли было. Хватит на строительный материал. Да и дом в селе сын разберёт. Компенсацию за него тоже выплатят. Можно будет хороший и просторный дом из кирпича построить. Заведут хозяйство, посадят яблони, вишню и малину, разобьют на участки огород. Будет чем заниматься. Не привыкшая сидеть без дела, тётя Эля больше всего боялась скучного одиночества и безделья. А при большой семье с хозяйством и приусадебным участком всегда найдётся, что делать...

На следующий день после визита детей тётя Эля поднялась рано. Она прошла в кладовку, насыпала в чашку остатки зерна и вышла во двор кормить курочек. Двор был пуст. Вчера последних кур забрал с собой старший сын, а собаку посадили в мотоцикл к зятю. Она задумчиво осмотрела опустевший двор и сыпанула зерно из чашки на землю. Тут же на дармовой корм налетели осмелевшие птицы. Они, весело чирикавая, в считанные минуты склевали зерно и улетели к реке. Тётя Эля вернулась в дом, собрала в узелок самое необходимое, закрыла на замок входную дверь и пошла по дороге в сторону рабочего посёлка. Младший сын предлагал ей вчера поехать с ним, но она отказалась. Ей хотелось побыть одной последний

вечер в родном доме, пройти утром по своей улице, по дороге вдоль реки, мимо кладбища, мимо заброшенных полей, мимо «святых» гор. Если через месяц перекроют плотину, всей этой красоты не станет. Женщина не спеша шла по дороге. Иногда она останавливалась и долго смотрела, как пикировали стрижи на зазевавшихся мошек, как суслики сустились, собирая осыпавшее зерно с переспелой пшеницы, выросшей в местах, где в прошлом году пересыпали её из бункеров комбайнов в кузова грузовых машин, как перепёлка, напуганная человеком, торопилась спрятать свой выводок в редких кустах, как в камышовой заводи на изгибе реки плавала дикая утка с утятами. Со стороны могил слышался шум моторов. Она остановилась напротив кладбища и с полчаса наблюдала, как мощный экскаватор врезался своим ковшом в сухую землю, открывая полусгнившие гробы. Несколько рабочих очищали их лопатами от прилипшей земли и складывали на рядом стоявшую машину. Мастер писал мелом на гробах фамилии и имена покойников. Ветром приносило с той стороны сладковатый запах мёртвых тел. Тётя Эля перекрестилась и решительно пошла к видневшимся невдалеке сопкам, за которыми вырос рабочий посёлок.

Валдемар Люфт родился 13 октября 1952 года на юге Казахстана в Джамбулской области. Предки – немцы Поволжья. В юности печатался в районной и областной газетах. Был членом литературного объединения «Звездоград» на Байконуре. После службы в армии учился в строительном техникуме. В 1987 году окончил Высшую школу профсоюзного движения в Москве. По образованию экономист. Работал плотником, монтажником, прорабом, диспетчером строительного управления, председателем профкома. В 1994 году переехал в Германию. Живёт в городе Биберах, Баден-Вюртемберг (ФРГ).

Публиковался в журналах «Зарубежные записки», «Крестьянин» и «Контактшанс» (Германия), «Московский вестник», «День и Ночь» и «Дальний Восток» (Россия), «Венский литератор» (Австрия), «Метаморфозы» (Белоруссия), в альманахах «Пенаты», «Литературные страницы» (Германия), «Landsleute» (Лейпциг), «Wellen Kunst(t)räume» (Вена). Автор 10 книг, изданных в России и в Германии в бумажном и электронном формате.

Награждён дипломом Международного литературного фестиваля «Литературная Вена 2009». Лауреат Международного литературного конкурса «Литературная Вена 2013». Удостоен диплома первой степени международного литературного конкурса имени Роберта Вебера (Москва), диплома международного литературного конкурса «Семья – всему начало» журнала «Метаморфозы» (Гомель, 2014), грамоты «За художественное мастерство» по итогам международного литературного конкурса имени Александра Куприна (Крым, 2016), Золотого диплома «За литературные достижения» от германского общества «Farben der Kunst» («Краски культуры»).

